

УДК 338.27

Д. В. Суслов

ДОЛГОСРОЧНОЕ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ В РАБОТАХ ИМЭМО РАН

Представлен краткий обзор работ Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук (ИМЭМО РАН) по долгосрочному социально-экономическому прогнозированию мирового развития. Показана методология прогнозирования, ее возможности и ограничения; структура, основные результаты и особенности прогнозов, сделанных ИМЭМО РАН с начала 2000-х гг. «Стратегический глобальный прогноз 2030» приобрел черты междисциплинарного исследования и был разработан на основе системного анализа объективных показателей социально-экономического развития, долгосрочных глобальных и региональных социально-демографических тенденций, а также экспертной оценки перспектив динамики политической ситуации в отдельных странах и в межгосударственных отношениях. Такая методология позволила сфокусироваться, прежде всего, на устойчивых трендах развития мировой экономики и системы международных отношений, действующих в них субъектов, структур и институтов.

Прогноз, социально-экономическое развитие, мировая экономика, международные отношения, страны мира, глобализация.

Бесспорно, прогнозирование является трудной и достаточно неблагодарной задачей. Когда речь идет о долгосрочном прогнозе мирового социально-экономического развития, задача становится на порядок слож-

нее. При этом разработчики прогноза не ставят перед собой цель детального описания предстоящих событий, а пытаются предвидеть наиболее важные долгосрочные тенденции и выявить ключевые факторы и возможные «точки перелома» мирового развития.

Мировой финансово-экономический кризис ярко продемонстрировал давно отмечавшееся многими специалистами нарастание неопределенности в условиях глобализации. Одновременно кризис дал толчок поиску новых концептуальных основ будущего социально-экономического развития или так называемого нового хозяйственного порядка. Макроэкономическое управление сегодня предполагает возросшую ответственность и открытость, учет социальных переменных, а не просто промышленную политику или сбалансированный государственный бюджет любой ценой. Один из парадоксов современности — внешнеторговый либерализм Китая и кредитная экспансия, двойные дефициты в США.

Предвидение будущего практически любой, даже самой закрытой страны мира теперь невозможно без анализа регионального и глобального контекста ее развития. В настоящее время грань между внутренним и внешним все более размывается. Последствия современного кризиса показали невозможность изолированного рассмотрения экономических, политических, социальных и идеологических тенденций мирового развития, выявили глубину их взаимопроникновения и взаимовлияния. Это стремительно меняет не только условия чисто научного анализа, но и мышление элит тех стран, которые стремятся занять достойное место в формирующемся глобальном мироустройстве.

Для России анализ долгосрочных тенденций мирового политико-экономического развития крайне важен и необходим. Для завершения постсоциалистической трансформации и успешной модернизации экономики требуется четкое представление о перспективах, вызовах и угрозах в предстоящие десятилетия. Перед страной стоят задачи адекватной адаптации к международным глобальным процессам. Пока Россия не в состоянии оказывать ощутимое влияние по всему спектру глобальных трендов. Однако успех страны в долгосрочном периоде может обеспечить рациональная стратегия приспособления к их влиянию, а также выявление важнейших, наиболее перспективных для российского социума и экономики направлений деятельности.

По этим причинам в фокусе работы «Стратегический глобальный прогноз 2030» (далее Прогноз — 2030) под редакцией академика А. А. Дынкина [5] — долгосрочные объективные тенденции развития мировой экономики, политики, социальных и идеологических процессов. При этом анализируются динамика состава и развития ключевых субъектов мировой экономики, наиболее вероятные модели их взаимодействия. Значительное внимание

уделено важнейшим международным институтам и новым проблемам мирового политико-экономического развития, таким как формирование принципов и механизмов глобального управления.

Прогноз — 2030 в значительной мере продолжает многолетнюю традицию долгосрочных прогнозов ИМЭМО РАН. Вместе с тем он имеет ключевые отличия от предшествующих работ института, опубликованных в 2001 г. на 15-летнюю перспективу: «Мир на рубеже тысячелетий» [1] (далее Прогноз — 2015) и в 2007 г. «Мировая экономика: прогноз до 2020 года» [3] (далее Прогноз — 2020), а также по комплексному анализу мирового экономического развития и выявлению глобальных тенденций в XX в. [2].

Так, в работе под редакцией члена-корреспондента РАН И. С. Королева «Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет» впервые отечественными исследователями был сделан комплексный анализ мирового экономического развития в XX в. [2]. Книга состоит из четырех разделов. В первом разделе рассмотрена эволюция мирохозяйственного механизма в целом, а также его важнейшие проблемы [2, с. 23—204]. Во второй раздел вошли главы, характеризующие развитие потенциала мирового хозяйства [2, с. 205—358], в третий — посвященные социально-экономическому положению отдельных стран [2, с. 359—492]. Четвертый раздел содержит уникальный статистический материал, отражающий динамику и структуру валового внутреннего продукта в целом и по отдельным составляющим, и другие важнейшие показатели мирового социально-экономического развития [2, с. 493—603].

Прогноз — 2015 также был впервые опубликованной в России работой с долгосрочным прогнозом социально-экономического развития мира и отдельных стран, групп стран и регионов [1]. Его отдельные главы посвящены общим проблемам мирового развития [1, с. 14—101], научно-техническому прогрессу [1, с. 102—155], международным хозяйственным связям и глобализации мировой экономики [1, с. 156—198]. Особое внимание уделено социально-экономическим процессам в США, Западной Европе, Японии, Китае, развивающихся странах [1, с. 199—529]. Все количественные стоимостные показатели приведены в сопоставимом виде, в долларах США и пересчитаны по паритетам покупательной способности валют. В приложении даны основные макроэкономические показатели развития 150 стран и мира в целом за вторую половину XX в., приводятся наиболее вероятные прогнозные оценки на период до 2015 г. [1, с. 530—591]. Работа дает представление о позициях России в мировой экономике и о перспективах их изменения в будущем.

В 2007 г. коллективом ИМЭМО РАН был представлен прогноз развития мирового хозяйства на период до 2020 г. [3]. Прогноз — 2020 состоит из

двух разделов. В первом разделе дан прогноз тенденций, которые определяют мировое экономическое развитие (глобализация, инновационная динамика, сдвиги в основных секторах хозяйства, роль экологического фактора) [3, с. 35—184]. Второй раздел посвящен динамике, структуре, показателям эффективности развития экономики США, ЕС, Японии, Китая, Индии [3, с. 185—350]. В приложениях приведен обширный статистический материал, характеризующий динамику и структуру мирового развития на перспективу до 2020 г. [3, с. 351—428].

Прогноз — 2020 развития мировой экономики в 2006—2020 гг. выполнен на основе неоднократного итеративного согласования прогностических оценок, сделанных экспертами ИМЭМО — специалистами по отдельным странам, проблемам и отраслям. Прогнозирование осуществлялось прежде всего на базе обобщающего показателя экономического развития — валового внутреннего продукта (ВВП). Расчеты велись в долларах по паритету покупательной способности (ППС) 2005 г. в двух ракурсах — по производству и по конечному использованию. В основу прогноза ВВП по производству положены наиболее устойчивые показатели — демографические (темпы прироста населения, его возрастная структура, вовлеченность в экономическую деятельность) и макроэкономические (отраслевая структура занятости, рост производительности труда в отдельных странах, динамика и эффективность основного капитала).

Прогноз — 2020 носит вероятностный характер и не претендует на предсказание будущего. Его главная задача — выявить взаимосвязи возможных изменений. При этом эксперты института не ожидали — по крайней мере, на перспективу до 2020 г. — глубоких кризисов и катастроф, способных отбросить экономику мира на много лет назад.

Такой подход позволил рассчитать некоторый интервал показателей, предполагающий определенные сценарии развития мировой ситуации (в том числе политической). Прогноз оперирует, как правило, расчетами усредненных оценок за весь период 2006—2020 гг. Приводятся наиболее вероятные показатели.

В ходе работы над прогнозом исследованы факторы, которые, по мнению авторов, оказывают наибольшее влияние на развитие мировой экономики в прогнозный период.

Проанализировано влияние глобализации на развитие мирового рынка капиталов, динамику и структуру прямых иностранных инвестиций и внешней торговли, на эволюцию мировой валютной системы, возможные контуры нового мирового экономического порядка.

Дан прогноз динамики финансирования научных исследований, места инноваций в международной конкурентоспособности на уровне страны и

отдельной фирмы, рассмотрена роль государства и корпоративного сектора в стимулировании основных направлений НИОКР.

Значительное место в исследовании посвящено ожидаемым сдвигам в структуре мирового хозяйства, изменениям в общественной производительности труда, эффективности использования капитальных и сырьевых, в том числе энергетических, ресурсов. Подробно рассматриваются перспективы развития важнейших отраслей и секторов мирового хозяйства: аграрно-промышленного комплекса, энергетики, металлургии, машиностроения, сферы услуг.

Была предпринята попытка учесть в прогнозе экологический фактор, в том числе растущие экологические требования к производству и продукции, вероятную динамику мировых расходов на экологию, перспективы международного сотрудничества и узлы межстрановых противоречий в этой области. Последствия возможного потепления климата остались за рамками этого исследования, тем более что у специалистов не было единого мнения, насколько длительной окажется эта тенденция.

Подробно проанализированы условия, стратегии и перспективы социально-экономического развития ведущих стран мира: США, стран Европейского союза, Японии, Китая и Индии. Рассмотрены траектории экономического роста других азиатских стран, государств Латинской Америки и Африки в контексте общего анализа проблем периферийного развития, меняющихся условий включения развивающихся стран в международное разделение труда (повышение доли этих стран в мировом ВВП и наукоемком экспорте, снижение зависимости от внешнего финансирования и относительного бремени внешнего долга и др.).

Приложения содержат статистические показатели и прогнозные оценки по более чем 150 странам мира. Страны разделены на три группы: 1) развитые (США, Канада, Япония, страны Западной Европы); 2) так называемые страны с переходной экономикой (страны Восточной Европы, Балтии и СНГ); 3) все остальные, объединенные в весьма разнородную группу развивающихся государств Азии, Африки и Латинской Америки. Такая достаточно условная страновая классификация до сих пор используется в ряде международных статистических источников и обеспечивает сопоставимость показателей экономического развития за длительные периоды. Прогноз по России не разрабатывался, но в большинстве глав содержится, хотя и в ограниченных масштабах, сопоставительный анализ с Россией. За ориентир были взяты средние темпы прироста ВВП России порядка 6% в год в целом за весь прогнозный период.

По сравнению с двумя предыдущими прогнозами ИМЭМО РАН Прогноз — 2030 далеко вышел на рамки чистого «экономизма», т. е. приобрел чер-

ты междисциплинарного исследования [5]. Прогноз — 2030 формировался на основе системного анализа объективных показателей социально-экономического развития, долгосрочных глобальных и региональных социально-демографических тенденций, а также экспертной оценки перспектив динамики политической ситуации в отдельных странах и в межгосударственных отношениях. Такая методология позволила сфокусироваться, прежде всего, на устойчивых трендах развития мировой экономики и системы международных отношений, действующих в них субъектов, структур и институтов. Если коротко охарактеризовать методологию долгосрочного прогнозирования, разработанную в ИМЭМО в начале 1970-х гг. и используемую уже 40 лет, то можно сказать, что она заключается в итеративном согласовании прогностических оценок, сделанных экспертами — специалистами по отдельным странам, проблемам и отраслям. С ее подробным описанием можно ознакомиться в Прогнозе — 2015 [1, с. 93—101] и Прогнозе — 2020 [3, с. 11—34].

В Прогнозе — 2030 впервые в комплексе оцениваются глобальные и региональные тенденции, развивающиеся в идеологической, социальной и международно-политической сферах, а также в области международной безопасности. Именно такой подход придает прогнозу комплексный характер, позволяет рассмотреть перспективы формирующегося глобального миропорядка.

В отличие от многих других подобных работ Прогноз — 2030 не опирается на сценарный подход [5, с. 24]. Это сознательный выбор методологии коллективом ИМЭМО РАН. Задача прогноза состояла не в том, чтобы предложить готовые модели будущего в виде сценариев, а в том, чтобы на основе системного подхода провести интегрированный анализ различных тенденций странового, регионального и глобального развития. В ходе подготовки прогноза были проведены тесты на их взаимную сбалансированность. Были выявлены фундаментальные взаимосвязи и противоречия между ними. При этом контртенденции мирового развития не сглаживались и не подгонялись под выявленные общие тренды. Напротив, влиянию объективных и субъективных противоречий было уделено значительное внимание. Поэтому авторы прогноза не вырабатывали альтернативных сценариев мирового и регионального развития. Были лишь указаны те условия, при которых предложенная картина будущего не будет в полной мере реализована. Такой подход обусловил внимание к системным угрозам и вызовам для стабильности мироустройства.

Где это было необходимо, указывался диапазон возможных значений количественных показателей социально-экономического развития мира. Методология прогнозирования количественных параметров, или статистического каркаса прогноза, достаточно консервативна и трудоемка. Она отталкивает-

ся от демографической статистики, которая позволяет получить численность рабочей силы. Затем на основе оценок динамики производительности труда рассчитывались агрегированные показатели ВВП по 154 странам. После этого проводилось итеративное согласование полученных прогностических оценок в проблемно-страновом разрезе, которое позволяет получить вероятностную картину взаимоувязанных индикаторов и тенденций мировой экономической динамики. Здесь на наиболее сложном этапе прогнозирования использовались симуляционные модели мировой экономики. После этого проводился качественный анализ социально-экономического развития отдельных стран и мира в целом, исследовались наиболее важные мировые тренды и их взаимосвязи. Выявление качественных параметров мировых политико-экономических тенденций — главная задача работы. Коллектив ИМЭМО РАН стремился выявить их существенные характеристики и показать, какие риски и возможности они несут для России.

В качестве верхнего хронологического предела не случайно был выбран 2030 г. Социологи считают оптимальным сроком долгосрочного прогнозирования временной горизонт 17—20 лет. Это время формирования нового поколения. 2011—2030 гг. — период активной жизни первого поколения, сформировавшегося в условиях глобализации и открытости информационного пространства. Это люди, родившиеся в 1970—1980-х гг. и получившие образование в 1990-е — начале 2000-х гг. Это поколение будет определять облик мира будущего, который описан в прогнозе.

Новшеством прогноза стало особое внимание, которое было уделено глобальным многоуровневым взаимосвязям [5, с. 71—98]. В его методологию заложена идея о растущей глобальной взаимозависимости при сохранении экономического, политического и культурно-идеологического многообразия. Предполагается, что мир будет не только полицентричным, но одновременно и иерархичным. Конкуренция за лидерство в иерархии стран и регионов усилится. Но одновременно вырастет и взаимодействие между центрами силы. Поля совпадающих интересов (пространство кооперации) и поля противоречий и конфликтов будут динамично меняться. Устойчивость международных альянсов будет опираться скорее на совпадение ценностей, а не интересов, на религиозную близость стран.

Глобализация будет продолжать развиваться, создавая экономическую, социальную и информационно-коммуникационную основу для социально-политических преобразований в каждой стране, регионе и во всей международной системе. В процессах экономической и политической глобализации закрепятся тенденции, связанные с расширением состава их лидеров за счет Китая, отчасти Индии, а также ряда ведущих региональных держав. Эти процессы не будут свободны от глубоких внутренних противоречий, а уже про-

завившиеся и возможные новые негативные эффекты и последствия глобализации будут давать о себе знать. Однако главный вывод заключается в том, что, несмотря на многие проблемы и противоречия, процессы глобализации не останутся [5, с. 115].

В прогнозный период США сохраняют роль глобального лидера в области инноваций, финансов и военной силы [5, с. 285—320]. Наибольшее влияние на изменение соотношения «сил и возможностей» в мире окажет усиление Китая. К 2030 г. он выйдет на уровень США по абсолютному размеру ВВП в текущих ценах, но продолжит отставать от США по инновационной и другим качественным составляющим экономического развития, уровня и качества жизни [5, с. 374—379].

В прогнозный период будет устойчиво снижаться вероятность вооруженных конфликтов и войн между ведущими ядерными державами (США, Китай, Россия) и их союзами. Это не исключает развития экономических и политических противоречий между ними. Они также могут стать косвенными участниками конфликтов третьих стран [5, с. 252—264].

Относительно более высока вероятность конфликтов между некоторыми ядерными державами второго плана, а также ведущими региональными державами. Расширится участие негосударственных субъектов в вооруженных конфликтах — друг с другом и против государств. Число конфликтов с участием негосударственных акторов превысит число конфликтов между государствами. Ареной для таких действий будут Африка, Центральная и Южная Азия, Юго-Восточная Азия, Южная Америка [5, с. 264].

Военная мощь останется инструментом политики, но ее роль в прогнозный период будет относительно уменьшаться [5, с. 265]. Многократно возрастет значение невоенных факторов силы:

- экономических и финансовых;
- инвестиционной привлекательности;
- инновационной динамики;
- идеологической, образовательной и культурной привлекательности;
- информационных технологий;
- наличия статуса и веса в международных институтах;
- активности в сфере миротворческих и гуманитарных операций;
- эффективности в дипломатии урегулирования конфликтов.

В сфере безопасности на первый план выходят угрозы невоенного характера. Наиболее значимые из них: международный терроризм, в том числе так называемый супертерроризм, нацеленный на устрашение и массовые жертвы и стремящийся к обретению оружия массового уничтожения; религиозный экстремизм; транснациональная преступность; деятельность теневых международных финансовых структур; незаконный оборот наркотиков; кибер-

терроризм; пиратство; продовольственная и водная проблемы; природные и техногенные катастрофы; пандемии. Новое поле системных угроз и рисков влияет на безопасность целых регионов. Глобальная взаимозависимость придает им новое качество.

Требование обеспечения национальной безопасности на перспективу до 2030 г. сохраняется и приобретает новые компоненты. Однако большинство государств по причинам экономического, научно-технического и территориально-демографического характера окажутся все менее способны решать эту задачу самостоятельно. Будут расширяться совместные усилия стран по решению глобальных проблем и противодействию транснациональным угрозам. И это несмотря на растущий радикализм маргинальных режимов, отдельных социально-политических и религиозно-этнических групп.

Усилится тенденция к развитию механизмов международной координации и расширению полномочий институтов глобального и регионального управления. Продолжится формирование их механизмов и принципов. Глобальное управление не будет подменять собой национальные структуры. Оно будет опираться на них, дополнять их.

Существенно активизируется деятельность международных институтов по вопросам безопасности, финансовой стабильности, социального развития и продвижения инноваций. До 2030 г. этот процесс не приведет к выстраиванию четкой архитектуры институтов наднационального экономического и политического управления и регулирования. Однако дальнейшее формирование системы официальных и неформальных межгосударственных и транснациональных институтов продолжится.

Сферы, наиболее открытые для глобальной институционализации и усилий по регулированию:

- интеллектуальная собственность;
- финансы;
- энергетика;
- международная торговля;
- воздушный и морской транспорт;
- мировой рынок труда;
- нераспространение оружия массового уничтожения;
- миротворчество и разрешение конфликтов;
- борьба с международным терроризмом и наркотрафиком;
- борьба с пиратством;
- борьба с голодом и эпидемиями;
- ликвидация последствий стихийных бедствий.

Будут также выдвигаться проекты глобальных институтов контроля над сохранением культурного наследия, биоразнообразия. Продолжится форми-

рование политико-правовых и институциональных основ наднационального регулирования глобальных пространств: Мирового океана, Арктики, Антарктики и космоса. Здесь возможны существенные внутрисударственные и международные противоречия. В них примут активное участие негосударственные субъекты экономики и политики. Глобальное право будет надстраиваться над международным правом, дополняя и развивая его. Вероятны существенные откаты назад, связанные с неподчинением государств и других акторов новым глобальным нормам [5, с. 71—96].

Эти процессы получают отражение в идеологической сфере. Наиболее развитые идеологии становятся все более связанными с глобальными политическими, социально-экономическими и культурными тенденциями, а не только с внутривнутриполитической жизнью отдельных государств. Во многих странах, включая державы-лидеры, идеологиям глобализации будет противостоять конфронтационное и изоляционистское мышление отдельных сообществ [5, с. 37—70].

Развитие процессов глобализации и элементов глобального управления не приведет к редуцированию функций и влияния государств. Они сохраняют и даже упрочат свое значение в качестве основополагающих элементов системы международных отношений. Глобализация и задачи участия в глобальном управлении предъявляют более высокие требования к дееспособности государств.

Глобализация проблем безопасности и развития приведет к переменам в стратегическом мышлении элит ведущих стран мира. Традиционная цель военно-силового укрепления трансформируется в более сложную задачу. Приобретение способности к «ответственному лидерству» в решении общих проблем безопасности и развития станет все более выгодным. Ответственный лидер получит дополнительные возможности благодаря своему влиянию на глобальные процессы и международные институты.

Между ведущими державами будет развиваться сотрудничество по глобальным проблемам безопасности. Это не исключает соперничества (разной степени интенсивности) между ними за выбор наиболее выгодного для себя варианта решения таких проблем. Сфера формирования структур и принципов глобального управления и регулирования также будет ареной конкуренции государств-лидеров. Важнейшие риски связаны с затруднениями выработки мировыми лидерами скоординированного видения международной безопасности.

Эффективность взаимодействия на глобальном уровне имеет решающее значение и для развития экономики. Часто обсуждаемые ограничения ее роста со стороны ресурсного обеспечения (сырье, рабочая сила, капитал и технологии) критичны по своей остроте лишь для некоторых регионов. Устой-

чивое развитие мировой экономики в целом в большей мере будет зависеть от способности стран-лидеров создать новую, безопасную архитектуру мировых финансов на основе единых глобальных правил работы финансовой сферы.

При этом формат финансовой «семерки», имеющий политические корни во времена холодной войны, постепенно может трансформироваться в клуб эмитентов мировых валют. Среди них пара ведущих валют — доллар и евро (с решающей ролью Германии и Франции), валюты второго эшелона — фунт стерлингов, иена, а также юань (после его превращения в свободно конвертируемую валюту). Вместе с тем фондовый рынок Китая как самый масштабный среди новых рынков может оказаться и наиболее уязвимым.

Неизбежное формирование «фондов спасения» корпоративного бизнеса и обанкротившихся государств обострит проблему морального консенсуса в вопросах оказания финансовой помощи: как, кому именно, при каких обстоятельствах и на каких условиях предоставлять помощь?

Важный ограничитель роста мировой экономики — противоречия между крупнейшими ТНК и национальными государствами. К 2030 г. резко возрастет инвестиционный, производственный и инновационный потенциал транснациональных корпораций и банков по отношению к экономической мощи государств. При этом ТНК формируют собственную экономическую стратегию, которая требует согласования с интересами отдельных государств, регионов и мирового сообщества в целом. Однако механизмов для такого согласования пока не выработано.

Произойдут изменения и в соотношении сил между самими ТНК. Позиции ТНК США, Японии и Евросоюза будут потеснены за счет натиска их конкурентов из Китая, Индии, а также ряда стран новой группы — так называемой мировой середины (Бразилия, Мексика и др.).

Еще одним ограничителем выступают бюрократизация и формализация мировой экономики. В частности, международные финансовые и экономические организации часто оценивают ситуацию по статистическим и другим формальным показателям. При этом они обращают мало внимания на качественные изменения, происходящие в той или иной стране.

Вместе с тем весьма вероятно, что в международных оценках показатели абсолютных объемов ВВП и ВВП на душу населения перестанут играть доминирующую роль. Возрастет значение показателей уровня научного и инновационного развития, качества личности, «зеленого ВВП», уровня насыщения не только материальных потребностей человека, но и потребностей, связанных со стремлением к комфортной среде обитания и межличностного общения.

В мировой экономике в основном сохраняются тенденции структурных сдвигов предыдущего десятилетия [5, с. 137—161]:

- увеличение удельного веса сферы услуг при дальнейшем сокращении доли добывающей промышленности и сельского хозяйства;
- увеличение доли производства инновационных и наукоемких продуктов, технологий и услуг в традиционных отраслях;
- интернационализация все большего круга отраслей — например, за счет формирования глобальных рынков медицинских, образовательных, развлекательных и других интеллектуальных услуг;
- появление новых отраслей, технологий и товаров;
- реиндустриализация ряда развитых стран (прежде всего США, Германии, Великобритании) на новой технологической основе.

К 2030 г. исчерпает себя модель роста на основе экспорта дешевых потребительских товаров. Даже в отношении наименее развитых стран эта модель не даст того эффекта, который мы наблюдали в 1960-е — начале 2000-х гг. На интеграционных пространствах Евросоюза и Тихоокеанской Азии на ведущие позиции выйдут факторы внутреннего спроса; в меньшей степени это коснется Латинской Америки. Увеличится роль внутрорегиональных торговых потоков. Рост численности среднего класса и продолжающаяся глобальная урбанизация будут постоянно подпитывать внутренний спрос [5, с. 321—442].

Существенные сдвиги произойдут в секторе услуг — повысится доля услуг, связанных с обеспечением здоровья человека и его потребностями в образовании, получении информации, средствах связи и коммуникаций, в путешествиях. Во многом это будет отражать общий тренд в сторону улучшения качества жизни. В предстоящее двадцатилетие человечество имеет шанс решить сложные социальные проблемы, с которыми оно столкнулось в начале XXI в., или, как минимум, избежать дальнейшего их обострения [5, с. 177—224].

Однако социальные противоречия могут взорвать ситуацию. Среда глобального социального взрыва — не мировые бедные, а та часть среднего класса, которая наиболее болезненно ощущает увеличивающееся расслоение внутри этой социально-экономической категории. Социальное расслоение распространяется в мире не только по линии «богатые — бедные страны». Обострится проблема корпоративного гражданства, суть которой в том, что преференции для работников ТНК не распространяются на основную массу населения. Многие профессии становятся ненужными или заполняются иммигрантами с низкой квалификацией и ценой рабочей силы. У новых супербогатых и растущего «массового класса миллионеров» формируются собственные интересы, которые требуют иных механизмов согласования с государственными интересами.

Решение или хотя бы смягчение многих экономических и социальных проблем будет зависеть, в конечном счете, от успешности перехода на инновационный путь развития. Уже сейчас можно очертить основные направления глобального инновационного развития:

- продолжение экономического освоения достижений в информационно-телекоммуникационной сфере;
- продолжение разработки новых материалов, которые обеспечат прорывные технологические решения во многих отраслях: электронике, авиа- и автомобилестроении, строительстве;
- начало прорыва в отраслях, связанных со здоровьем человека, — биоинженерия, диагностика заболеваний, методы лечения, новые лекарственные препараты, уход за больными;
- возникновение принципиально новых технологий, обеспечивающих повышение качества жизни человека на базе синтеза нано-, био-, когнитивных и информационных технологий (NBIC-конвергенция); появление технической возможности резко расширить биологический потенциал человека;
- подготовка к будущему прорыву в сфере энергетики, хотя ведущие позиции по-прежнему сохранятся за традиционными источниками (нефть, газ, уголь), а также за атомной энергетикой.

Мировое лидерство в области инновационной экономики, а следовательно — в глобальной экономике, в целом сохранится за теми странами, которые смогут развивать фундаментальные исследования по максимально широкому спектру научных дисциплин и одновременно создадут лучшие национальные инновационные системы [5, с. 127—136]. Такие системы опираются на конкурентные рынки, дающие неискаженные сигналы о реальных общественных потребностях и соответственно — о насущных, а не придуманных или заимствованных технологических приоритетах.

В ближайшие 20 лет США удержат позицию мирового научного и инновационного лидера, максимально развивающего фундаментальные исследования, а ЕС в целом сохранит позиции по отдельным направлениям. Многие средние и малые высокоразвитые страны благодаря интенсивному развитию «улучшающих» инноваций создадут для себя новые возможности в целом ряде узких рыночных ниш. Китай резко ускорит развитие фундаментальных наук, однако по их общему уровню все еще будет отставать от США и Европы. Главным вопросом предстоящих десятилетий станет следующий: сможет ли Китай претендовать на роль мирового инновационного лидера? Или останется эффективным технологическим «подражателем»? В отношении Китая не исключена и возможность повторения японского сценария. Эта страна не оправдала возлагавшиеся на нее в 1980-е гг. надежды на превращение в глобального инновационного лидера. Хотя Япония по-прежнему будет вести

фундаментальные исследования в ограниченном диапазоне областей знания и делать акцент на опытно-конструкторские разработки и механизмы продвижения инновационных продуктов на рынок.

В социальном аспекте инновационная экономика способствует укреплению мировых позиций среднего класса. Глобальный средний класс одновременно станет и главным мировым потребителем, и производителем инноваций. Государства, способные и готовые осуществлять долгосрочные материальные и иные (образовательные, культурные, социальные) инвестиции в расширение и укрепление этой группы населения, получают несомненные преимущества в глобальной конкуренции.

В современном мире невозможно осуществлять успешные национальные преобразования без понимания того, куда движется мировое развитие. Этим объясняется внимание, которое уделяется прогнозированию в странах-лидерах современного мира. В настоящее время перед Россией встают задачи рациональной, эффективной адаптации к уже проявившим себя и перспективным глобальным процессам, контуры которых только начинают обозначаться.

Формируется качественно новый миропорядок, в котором нужно стремиться иметь максимально четкие ориентиры. По мере своих возможностей авторы стремились следовать принципам научной объективности. Для понимания перспектив нашей страны в меняющемся мире особенно важно понимать, в каком мире ей предстоит действовать и развиваться, видеть, на что она в силах повлиять, а в чем необходимо избавляться от опасных иллюзий и исторических комплексов.

Основной практический вывод авторов Прогноза — 2030 для России заключается в том, что наша страна имеет достаточно природных и человеческих ресурсов для формирования условий новой среды научно-технологического и промышленного роста внутри страны, а также создания заделов для эффективного влияния на тенденции мирового развития и укрепления собственных международных позиций. Важнейший критерий оценки необходимости каждого шага здесь — интересы повышения уровня и качества жизни российских граждан. Своего рода промежуточным рубежом и для нашей страны, и для всего мира можно считать 2020 г. К этому году будут получены первые практические результаты стратегических программ развития, которые уже приняты или вскоре начнут реализовываться во многих странах мира, в том числе и в России, и которые были инициированы посткризисным периодом.

Если говорить о конкретных статистических результатах прогнозирования, то в мировой иерархии к 2020 г. Россия поднимется на 5-е место в мире по размеру ВВП (по паритетам покупательной способности 2009 г.). Обойдя

Германию, Россия имеет шансы стать крупнейшей европейской экономикой. При расчетах по среднегодовым текущим курсам 2009 г. Россия поднимется с 12-го на 10-е место.

В настоящее время российскому обществу в лице политиков, деловых кругов, ученых и специалистов особенно необходимо четкое представление и понимание границ эффективного поиска места России в мире. По мнению автора данной рецензии, Прогноз — 2030 представляет собой глубокое исследование описанных выше проблем. Комплексный характер прогноза, появление в нем ряда новшеств, расширение и усложнение объектов анализа побудили авторов предложить два варианта прогноза — краткий и расширенный. Первый, краткий вариант, содержит основные идеи и качественные результаты [4]. Обсуждение этого варианта вызвало оживленную дискуссию в экспертном сообществе. В ходе обсуждения был сформулирован ряд вопросов. Ответы на часть из них, преимущественно о принципах и методологии прогноза, содержатся в предисловии к расширенному варианту Прогноза — 2030 [5, с. 15—36].

Сформулировать целостное видение глобальных процессов и их взаимосвязей с региональными и внутригосударственными тенденциями под силу лишь крупным исследовательским коллективам, состоящим из экспертов различной специализации. Разработанный ИМЭМО РАН Прогноз — 2030 — именно такое междисциплинарное исследование. Над его подготовкой три года трудились около ста высококвалифицированных специалистов — экономистов, социологов, политологов и специалистов по международной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мир на рубеже тысячелетий (прогноз развития мировой экономики до 2015 г.) / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и международных отношений. М.: Издательский Дом «НОВЫЙ ВЕК», 2001. 592 с.
2. Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. чл.-корр. РАН И. С. Королева; Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и международных отношений. М.: Юристъ, 2003. 604 с.
3. Мировая экономика: прогноз до 2020 года / под ред. акад. А. А. Дынкина; Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и международных отношений. М.: Магистр, 2007. 429 с.
4. Стратегический глобальный прогноз 2030. Краткий вариант / под ред. акад. А. А. Дынкина; Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и международных отношений. М.: Магистр, 2011. 88 с.
5. Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / под ред. акад. А. А. Дынкина; Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и международных отношений. М.: Магистр, 2011. 480 с.